

Ян Имин слегка нажал на клаксон, давая понять: «Не стесняйся, иди спокойно».

Дин Цзыму театрально поклонился, развернулся и зашагал вглубь переулка.

Только когда фигура скрылась из виду, Ян Имин медленно выехал задним ходом, развернулся и взял курс на дом. В свете мелькающих уличных фонарей он подумал: если бы все дети из приюта обладали таким характером, как у Дин Цзыму, было бы замечательно. Увы, судя по его наблюдениям за последние дни, большинство воспитанников куда менее покладисты.

Нет, постой!

Ян Имин внезапно вспомнил Дин Цзыму у ворот парка развлечений — свирепого, как черт, — и того же Дин Цзыму у ларька, немного робкого и зажатого. Два образа наложились друг на друга, и он никак не мог примирить их в голове. С точки зрения психологии, у Дин Цзыму, вероятно, сочетались возбудимый и уравновешенный типы личности, временами проскальзывал и обычный. Конечно, характер не бывает однозначным, и вполне нормально, что человек проявляет разные черты в зависимости от ситуации, но случай Дин Цзыму казался особенным...

Размышляя об этом, Ян Имин почувствовал еще большую признательность к Чжоу Пэю. Передача работы в приюте была для него настоящим кладом — здесь было столько всего, что стоило изучить. Тот, прежний Сюй Линь, давно исчез из поля зрения, а вот нынешний Дин Цзыму казался весьма интересным. Впрочем, даже если бы Дин Цзыму не представлял исследовательской ценности, общение с ним не принесло бы вреда, по крайней мере, он был отличным сотрапезником.

К тому же, сотрапезником, на которого приятно смотреть и с которым аппетит приходит сам собой.

Раздумья Яна Имина прервал телефонный звонок. Взглянув на экран, он нахмурился:

— Сестра.

— Ты где? Почему сегодня не приехал ко мне на ужин? Ты уже дома? Есть планы на выходные?

— Сестра, ну ты прямо как наш завуч по воспитательной работе, — простонал Ян Имин. — На какой из этих вопросов мне отвечать первым?

— Ты где?

— Еду домой, ужинал с другом.

— Ужинал? С мужчиной или женщиной?

— Сестра...

— Не ной! — перебила его Ян Шуанмин. — Я что, тебя не знаю? Ты, домосед, с какими друзьями можешь ужинать? Если ты и идешь куда-то есть, то только по пятницам, когда это ты ужинал по четвергам? И потом, кто из твоих приятелей мне не знаком? Тех, кто может присидеть с тобой за столом до девяти вечера, не больше трех человек.

— А что, мне нельзя иметь деловые встречи?

— Ты работаешь в сфере образования, даже не руководитель группы, какие у тебя могут быть встречи? С кем тебе встречаться?

Ян Имин замолчал. В разговоре с сестрой лучше отвечать на вопросы прямо, не пытаясь увиливать, иначе результат будет плачевным. Столько лет прошло, а он все никак не научится.

— Сестра, я на Второй кольцевой. Я сегодня ужинал с другом — мужчиной, поэтому к тебе не заехал. Завтра я занят, а насчет выходных пока не уверен, скорее всего, не получится, — сказал он. Он знал, что если сестра спрашивает о выходных, то почти наверняка хочет сделать его бесплатной нянькой. Для надежности лучше было сразу отказать.

— Умница! — удовлетворенно произнесла Ян Шуанмин.

— Сестра, — осторожно начал Ян Имин, — зять опять тебя разозлил? Нельзя же вымещать злость на мне, я ни в чем не виноват.

— Не упоминай его! — сердито отозвалась Ян Шуанмин. — Лучше скажи, с кем ты сегодня ужинал?

— Да просто с обычным знакомым. Он мне помог, я решил отблагодарить его ужином.

— И всё?

— И всё, — криво усмехнулся Ян Имин. — Сестра, не будь такой сплетницей, ладно?

— А как тут не сплетничать? — парировала она. — Тебе скоро тридцать...

— Сестра, я знаю.

— Что ты знаешь? — Ян Шуанмин не удержалась и повысила голос. — Ты понимаешь, что маме осталось недолго? Ее последнее желание — увидеть, как ты создашь семью! Столько лет, неужели ты ни разу не встретил никого, кто заставил бы твое сердце биться чаще?

— Встречал, — Ян Имин решил припарковаться у обочины. — Конечно, я волнуюсь, когда вижу красивых парней или девушек. Но, сестра, людей, которые меня цепляют, много. Тот, с кем я ужинал, тоже заставил мое сердце биться на пару ударов быстрее. Но это же не значит, что каждый раз, когда я вижу кого-то симпатичного, у меня должны возникать какие-то мысли? Если так рассуждать, то при виде Ху Гэ у меня вообще мерцательная аритмия начнется. Но я же просто люблюсь.

— Так и найди того, кто похож на Ху Гэ!

Ян Имин усмехнулся:

— Сестра, я ведь мог бы найти девушку, почему ты так упорно подталкиваешь меня к парням?

— Я бы только рада была, если бы ты нашел девушку, но проблема в том, что ты их не ищешь!
— голос Ян Шуанмин стал еще громче. — Послушай, Имин, у нас в семье либеральные взгляды. Если тебе действительно не нравятся девушки, мы не против, но так вечно быть одному — это же не дело?

Ян Имин потер переносицу. В такой ситуации он предпочел бы поработать нянькой. Вздыхнув, он сменил тему:

— Сестра, ты спрашивала, свободен ли я в выходные. Зачем?

— На свидание вслепую!

Дин Цзыму сегодня был необычайно счастлив.

Из-за жизненных трудностей он всегда был занят и редко мог позволить себе спокойно посидеть с другом за ужином. Друзей у него и так было немного, а после того, как он начал самостоятельную жизнь, люди, которых он встречал, держали дистанцию. Они не желали ему зла, но всегда смотрели с неким особым прищуром, не понимая, что их «доброта» лишь ставит его в неловкое положение.

Он хотел, чтобы кто-то не расспрашивал о его прошлом, не жалел его и не охал, а относился как к обычному человеку: шутил, подкалывал, проявлял заботу, даже злился, если нужно, а после ссоры все равно мог сказать: «Ну что, брат, по одной?».

Но он чаще встречал тех, кто смотрел на него с жалостью и вздыхал: «Бедняжка». Дин Цзыму это ненавидел. Эти взгляды и вздохи раз за разом напоминали ему: он — брошенный ребенок, чье детство было настолько темным, что о нем страшно вспоминать.

Величайшей мечтой Дин Цзыму было порвать с прошлым, выжечь его дотла и развеять пепел

над морем, как прах матери.

Поэтому сегодняшний ужин с Ян Имином принес ему такую радость. Ян Имин никогда не затрагивал его болезненных струн, а если замечал, что Дин Цзыму помрачнел, всегда умел легко перевести разговор в другое русло. Никакой неловкости, ужин прошел вкусно и спокойно.

Учитель Ян — человек, которому можно доверять, подумал Дин Цзыму. То, что такой человек пришел работать психологом в приют, — большая удача для всех. Он обязательно поможет детям вырасти здоровыми.

Ян Имин в хорошем настроении подошел к калитке своего двора, но, увидев замок, его радость мгновенно улетучилась. Вспышка ярости ударила в голову:

Калитка была приоткрыта, замок взломан.

Дин Цзыму медленно сжал кулаки. Ему не нужно было заходить внутрь, чтобы понять: ничего не украли, да и красть было нечего. Но простыни и подушки наверняка валялись на полу, там же была грязь, чайник разбит, посуда перевернута, стол опрокинут, компьютер, может, и остался на месте, но клавиатуру и мышь точно вышвырнули во двор...

Способов выжить человека из жилья много, даже в мегаполисе, где нельзя просто так снести дом, всегда найдутся методы, чтобы сделать жизнь невыносимой.

Дин Цзыму прищурился и решительно толкнул калитку. Раздался громкий стук — это дверь ударилась о стену, эхо прокатилось по пустому двору. Дин Цзыму, не глядя на разбросанные мышь, клавиатуру и кастрюли, зашагал к дому. Дверь была распахнута настежь. Он включил свет, не глядя перешагнул через простыни и наволочки, подошел к шкафу и с силой дернул дверцу.

Маленькая коробочка стояла на полке, как ни в чем не бывало.

Дин Цзыму с облегчением выдохнул, напряженные плечи опустились. Он захлопнул шкаф, оперся рукой о дверцу и опустил голову.

«Как же я устал», — подумал он. Жизнь всегда такая утомительная. Может, само существование — это и есть борьба? Он помнил, как мама говорила, что человек живет, чтобы бороться, пока не выбьется из сил, и тогда наступает избавление. Он помнил, как она говорила это, вся в слезах и крови, сжимая его шею своими костлявыми руками, на которых отчетливо проступали вены.

В голове у Дин Цзыму зазвенело. Он словно получил удар под дых и осел на пол. Он чувствовал, как силы покидают его, перед глазами все плыло, словно в тумане. Но вместо

ожидаемой головной боли из этого тумана вдруг возник образ ребенка.

Дин Цзыму смутно почувствовал, что этот образ ему знаком. Где-то много лет назад... должно быть, в приюте. Ребенок намного младше него, лет восьми-девяти, который любил с ним играть. А потом... куда он делся?

Выходя из ресторана, Ян Имин зажмурился от яркого сентябрьского солнца. Несколько секунд он простоял в тени, прежде чем направиться к парковке, криво усмехаясь.

Девушка была неплоха, даже слишком «неплоха»: доход тринадцать тысяч, своя квартира, машина за триста тысяч. Первыми ее словами были: «Мне 28, я хочу серьезных отношений, а потом замуж».

В этих словах не было ничего плохого, но у Яна Имина сразу разболелась голова. Он больше всего боялся разговоров о браке. Будучи бисексуалом, он прекрасно понимал, что у него есть шанс вернуться в мейнстрим и жить нормальной, с точки зрения большинства, жизнью. Он мог бы избежать осуждения общества и спокойно появляться на людях со своим партнером. Эта «нормальность» давала чувство безопасности и принадлежности, поэтому он был бы не прочь встретить подходящую девушку и вместе с ней шагнуть в ЗАГС — или в могилу, как получится.

Но... Ян Имин надел темные очки и тяжело вздохнул. К сожалению, такой человек ему так и не встретился.

Он домосед, узкий круг общения, не остроумен, в спорте — полный ноль, в зарплате — ноль в кубе. Если говорить красиво, у него есть частная практика, если честно — он как странствующий лекарь, только тратит деньги, а не зарабатывает. Единственный плюс — стабильная работа, но многие девушки теряли интерес, как только узнавали, что он из сферы образования. Мужчины-педагоги бедны, вечно заняты и страдают от профессиональной деформации, даже если есть отпуск, на них нельзя положиться в быту... Поэтому он боялся брака, боялся, что не сможет дать женщине ту жизнь, которую она хочет.

Девушка просидела с ним меньше часа и ушла, даже не допив суп. Ужасный ужин.

Ян Имин лениво открыл дверь своего скромного Фольксвагена и сел внутрь. Написал сестре сообщение:

«Все кончено». Два слова, кратко описывающие весь провал этого свидания.

Он очень скучал по позавчерашнему ужину с Дин Цзыму — вот где была гармония. И еда вкусная, и собеседник приятный — истинное удовольствие.

Выехав с парковки, он немного помедлил и направил машину в сторону приюта. Он хотел прикинуть, как обустроить свой кабинет, чтобы уложиться в бюджет.

Дети спали после обеда, в коридорах было тихо. Дверь его кабинета была распахнута, Дин Цзыму стоял посреди комнаты.

Ян Имин не стал шуметь и просто остановился в дверях, глядя на его спину.

Она больше не была прямой и расслабленной — сгорбленные плечи излучали отчаяние, опустошенность и подавленность.

Дин Цзыму стоял под ярким солнцем, его открытые руки слегка побаливали от жары. Он не мог открыть глаза, но и закрыть их боялся — ему казалось, что стоит это сделать, как он увидит того ребенка. Он знал, что это галлюцинация, твердил себе, что этого человека не существует, но образ был слишком знакомым, словно он сопровождал его долгие годы. Он видел, как этот ребенок бродит по огромной комнате, открывает шкафы, вытаскивает толстые папки и лихорадочно их листает.

Это старый архив. Почему-то Дин Цзыму был уверен: ребенок ищет информацию именно там.

— Откуда я это знаю? — Дин Цзыму, опустошивший архив своими руками, погрузился в раздумья. Позавчера он рухнул перед шкафом, лишь спустя долгое время пришел в себя, дополз до кровати и проспал всю ночь под грязным одеялом. На следующий день он чувствовал себя как в тумане, через силу пошел на работу, где постоянно путал товары и сдачу, извиняясь сотни раз. Сегодня утром он прибежал в приют, ломая голову над тем, кто же этот ребенок.

— Дин Цзыму, — наконец не выдержал Ян Имин и тихо позвал его.

Дин Цзыму вздрогнул и обернулся, широко распахнув глаза.

— Что делаешь? — лениво спросил Ян Имин, прислонившись к дверному косяку.

— Я... — Дин Цзыму замялся, не зная, как объяснить.

— Загораешь?

— А...

— Тогда давай вместе, — Ян Имин неспешно подошел к нему и опустился на пол.

Терракотовый пол был вымыт до блеска, в углу виднелись следы воды — видимо, Дин Цзыму уже прибрался.

Дин Цзыму помедлил и тоже сел. Двое мужчин сидели на прохладном полу в лучах полуденного солнца, погруженные в свои мысли.

— Учитель Ян, — медленно произнес Дин Цзыму, — мне кажется... я веду себя глупо.

— В чем глупость?

— Не то чтобы глупо... просто мне кажется, что это не совсем то, чем должны заниматься двое взрослых мужчин.

Ян Имин прыснул со смеху, потянулся и сказал:

— У меня сегодня был такой утомительный обед, что я просто хочу где-нибудь посидеть на солнце и залечить душевные раны. А ты?

Дин Цзыму опустил голову, глядя на свои колени.

Ян Имин словно не заметил его молчания и продолжил:

— Знаешь, самое приятное — это наесться и греться на солнце. Вся кровь приливает к желудку, чтобы переварить пищу, в голове становится приятно-туманно, ни о чем не надо думать. В такие моменты, если еще и солнце греет, можно сладко заснуть.

— Вы хотите спать? — серьезно спросил Дин Цзыму. — Я схожу в общежитие за вашим одеялом, можете подремать на диване.

Ян Имин повернул голову и посмотрел на серьезное лицо Дин Цзыму:

— Ты что, не слышал, как я сказал, что мой обед был ужасно утомительным? Я сейчас полуголодный, греюсь на солнце только ради фотосинтеза, чтобы хоть как-то заглушить аппетит.

— Хотите торт? — Дин Цзыму внезапно оживился, выпрямился и уставился на Яна Имина. — Столовая сейчас пустует.

— Хочу! — Ян Имин тоже выпрямился и ответил почти рефлекторно.

На этот раз Дин Цзыму сделал шифоновый бисквит, и Ян Имин ждал его с нетерпением. Шифоновый бисквит — один из его любимых: нежный и мягкий, как шелк. Но этот десерт очень капризен: нужно следить за температурой духовки, взбиванием белков и техникой замешивания. Ян Имин не знал, почему Дин Цзыму выбрал именно его, а не простые кексы, но, как говорится, «кто ест, тот молчит», и Ян Имин послушно ждал.

У Дин Цзыму вышло не очень гладко: пришлось даже вылить белки и взбивать заново из-за неправильной температуры яиц. Когда торт был готов, он нахмурился, осмотрел его и неохотно протянул Яну Имину:

— Неудачный, но есть можно.

Ян Имин попробовал кусочек. Немного липкий, недостаточно воздушный, с мелкими крупинками, которые неприятно прилипали к нёбу. Не то чтобы нельзя было проглотить, но удовольствия мало.

Выпечка отражает состояние души. Ян Имин помнил, что прошлый чизкейк был с «вкусом дома», а этот шифоновый бисквит вызывал лишь тоску.

Ян Имин быстро доел торт, посмотрел, как Дин Цзыму убирает формы, и внезапно спросил:

— Хочешь рассказать мне?

Дин Цзыму замер с тряпкой в руках.

Ян Имин видел только его профиль. Длинная челка закрывала лоб, волосы подрагивали — выдавали его смятение и борьбу.

— В психологии я не эксперт, но, по крайней мере, профессионал, — сказал Ян Имин.

Дин Цзыму отложил миску и медленно поднял голову:

— Учитель Ян, мне кажется... у меня не психологические проблемы.

Ян Имин вопросительно приподнял бровь.

— У меня... возможно... психические... проблемы. — Дин Цзыму пристально посмотрел на него, в глазах читался страх. Он быстро моргнул и снова опустил голову. Миски больше не было, и он принялся сжимать влажную тряпку.

— Ты кого-то убил? — спросил Ян Имин.

— А? — Дин Цзыму резко вскинул голову, решив, что вслед за галлюцинациями у него

появились слуховые.

— В наше время «острое кратковременное психотическое расстройство» очень популярно, — пожал плечами Ян Имин. — Обычно те, кто сбивает людей на машине или нападает с ножом, страдают именно этим.

Ян Имин улыбнулся:

— Учитель Ян, о чем вы подумали!

С этим легким смешком воздух, который, казалось, застыл, снова пришел в движение. В глазах Дин Цзыму появился свет.

— Парень, психическое заболевание не так-то просто заполучить, — Ян Имин вытер рот и встал. — Давай, убирай всё, пойдем наверх. В подвале говорить о психических болезнях — так и здоровый заболевает.

Дин Цзыму кивнул, быстро прибрался и последовал за Яном Имином. Поднимаясь по темной узкой лестнице, они вышли к свету и простору. Дин Цзыму почувствовал, как слой земли, давивший ему на грудь, дал трещину. Он подумал, что Учитель Ян — настоящий профессионал, это просто чудо.

— Принеси два чая, — распорядился Ян Имин, поднимаясь по лестнице.

Дин Цзыму послушно завернул в конференц-зал за чашками.

— Давай, рассказывай! — Ян Имин сорвал подушку с дивана, бросил ее на пол и сел, кивком приглашая Дин Цзыму сделать то же самое.

<http://bllate.org/book/19775/1948316>